

Демографическая модернизация России, 1900–2000

Под редакцией Анатолия Вишневского

УДК 314.148
ББК 60.7:63.3(2)6
Д31

Серия «Новая история» издается с 2003 года

Издатель Евгений Пермяков
Продюсер Андрей Курилкин
Дизайн Анатолий Гусев

Издание осуществлено при поддержке Фонда Джона и Кэтрин Макартуров

Редактор Андрей Курилкин
Графика Рубен Ванециан
Фотографии на обложке [1] Александр Родченко, «Пионер-трубач», 1930
[4] Неизвестный фотограф, 1920-е годы

Д31 Демографическая модернизация России, 1900–2000
Под ред. А.Г. Вишневского
М.: Новое издательство, 2006. — 608 с. — (Новая история).

ISBN 5-98379-042-0

Книга, подготовленная коллективом исследователей под руководством крупнейшего российского демографа Анатолия Вишневского, представляет собой первый масштабный опыт осмысления противоречивой демографической истории России XX века. Авторы видят ее как историю демографической модернизации, в корне изменившей многие важнейшие стороны частной и публичной жизни россиян, но все еще остающейся незавершенной. Детальное исследование огромного статистического материала, представленного в книге в нескольких сотнях графиков и таблиц, позволяет показать, как и почему в течение последних ста лет менялось матримониальное, прокреативное, сексуальное, семейное и жизнеохранительное поведение жителей России и в чем сегодня сказывается незавершенность этих перемен.

УДК 314.148
ББК 60.7:63.3(2)6

ISBN 5-98379-042-0

© Новое издательство, 2005

8	Предисловие
9	Введение. Что такое демографическая модернизация?
Часть I От какого берега мы отчалили	
15	Глава 1. Светлое прошлое или тупики демографической архаики?
18	Глава 2. Средневековая смертность
18	2.1 <i>Затянувшееся отставание</i>
20	2.2 <i>Пассивность перед лицом смерти</i>
24	2.3 <i>Начало перемен</i>
29	Глава 3. Неэффективная рождаемость
29	3.1 <i>Российская рождаемость накануне демографического перехода</i>
30	3.2 <i>Многодетность или многоплодность?</i>
32	3.3 <i>Была ли многодетность желанной?</i>
38	3.4 <i>Регулирование деторождения: запретная практика</i>
44	Глава 4. Семья в кризисе
44	4.1 <i>Большая и малая семья: противоборство или симбиоз?</i>
50	4.2 <i>Супружеская семья в поисках суверенитета</i>
58	4.3 <i>Бунт на семейном корабле</i>
62	Глава 5. Неизбежность перемен
Часть 2 ОБНОВЛЕНИЕ СЕМЬИ И БРАКА	
67	Глава 6. От крестьянской семьи к городской
67	6.1 <i>Семья в новой социальной среде</i>
69	6.2 <i>Нуклеаризация семьи, эволюция ее размера и состава</i>
72	6.3 <i>Новый смысл брака</i>
76	6.4 <i>Противоречия советского варианта модернизации семьи</i>
96	Глава 7. Меняющиеся параметры матримониального поведения
96	7.1 <i>Регистрируемые и незарегистрируемые браки</i>
107	7.2 <i>Возраст вступления в первый брак</i>
127	7.3 <i>Прекращение брака</i>
134	7.4 <i>Повторные браки</i>
137	Глава 8. Второй демографический переход и будущее семьи и брака
137	8.1 <i>Сущность второго демографического перехода</i>
139	8.2 <i>Изменения возрастной модели рождаемости и брачности</i>

Часть 3		Модернизация рождаемости
149		Глава 9. Что такое модернизация рождаемости?
153		Глава 10. Итоговая рождаемость реальных и условных поколений женщин
153	10.1	<i>Сто лет падения рождаемости</i>
159	10.2	<i>Первый этап ускоренного падения рождаемости (поколения 1878–1890 годов рождения)</i>
160	10.3	<i>Второй этап ускоренного падения рождаемости (поколения 1900–1920 годов рождения)</i>
163	10.4	<i>Почему в России не было «бэби-бума»?</i>
169	10.5	<i>Этап замедляющегося снижения и стабилизации рождаемости (поколения 1921–1960 годов рождения)</i>
173	10.6	<i>Новейший этап снижения рождаемости (поколения матерей, родившихся в 1965–1970 годах)</i>
176		Глава 11. Очередность рождения
176	11.1	<i>От старого к новому распределению женщин по числу рожденных детей</i>
179	11.2	<i>Эволюция вероятности увеличения семьи</i>
184		Глава 12. Возраст матери при рождении ребенка
184	12.1	<i>Изменения среднего возраста матери в реальных поколениях</i>
185	12.2	<i>Изменения среднего возраста матери в условных поколениях</i>
189	12.3	<i>Средний возраст матери при рождении очередного ребенка</i>
191	12.4	<i>Сокращение протогенетического интервала</i>
195		Глава 13. Россия между абортom и планированием семьи
195	13.1	<i>Снижение рождаемости: мальтузианская и неомальтузианская стратегии</i>
197	13.2	<i>Дореволюционная Россия: инерция многовекового запрета</i>
199	13.3	<i>Искусственный аборт: качели законодательства и тенденции массового поведения</i>
225	13.4	<i>Несостоявшаяся контрацептивная революция</i>
235	13.5	<i>Репродуктивные права, регулирование деторождения и рождаемость</i>
247		Глава 14. Второй демографический переход и будущее рождаемости
Часть 4		Модернизация смертности
257		Глава 15. Эпидемиологический переход
257	15.1	<i>Суцность эпидемиологического перехода и его незавершенность в России</i>
259	15.2	<i>Мифы и реальности советского здравоохранения</i>
270		Глава 16. Изменения смертности и продолжительности жизни
270	16.1	<i>Ожидаемая продолжительность жизни, 1900–2000</i>
273	16.2	<i>Возрастные особенности изменений смертности</i>
279	16.3	<i>Особенности изменений младенческой смертности</i>
289	16.4	<i>Смертность реальных поколений россиян</i>
293	16.5	<i>Что произошло в 1980–1990-х годах</i>
297	16.6	<i>Дифференциация смертности</i>
310	16.7	<i>Продолжительность здоровой жизни</i>

313	Глава 17. Причины смерти
313	17.1 <i>Современная российская модель смертности по причинам смерти</i>
323	17.2 <i>Эволюция структуры смертности по крупным классам причин смерти после 1965 года</i>
327	17.3 <i>Смертность от отдельных крупных классов причин смерти</i>
382	Глава 18. Смертность в России: незавершенная модернизация
Часть 5 Столетие демографического разорения России	
399	Глава 19. Демографические катастрофы XX века
400	19.1 <i>От начала Первой мировой войны до переписи населения 1926 года</i>
406	19.2 <i>От «великого перелома» до смерти Сталина</i>
442	19.3 <i>Общая оценка потерь от демографических катастроф</i>
444	19.4 <i>Демографический кризис второй половины XX века</i>
446	19.5 <i>Общая оценка потерь за столетие</i>
448	Глава 20. Демографические знания — информация или дезинформация?
448	20.1 <i>Двадцатые годы: начало и конец «золотого века» советской демографии</i>
451	20.2 <i>Разгром</i>
461	20.3 <i>Дезинформация эпохи застоя</i>
466	20.4 <i>Неоправдавшиеся постсоветские ожидания</i>
Часть 6 К какому берегу мы причалили	
471	Глава 21. Новый тип воспроизводства населения
471	21.1 <i>Рост эффективной рождаемости поколений</i>
475	21.2 <i>Воспроизводство условных поколений</i>
478	21.3 <i>Воспроизводство реальных поколений</i>
484	21.4 <i>Вызов суженного воспроизводства населения</i>
488	21.5 <i>Новая возрастная структура</i>
491	21.6 <i>Депопуляция</i>
498	Глава 22. Следующие сто лет
498	22.1 <i>Можно ли предсказывать на 100 лет вперед?</i>
499	22.2 <i>Прогнозные сценарии</i>
503	22.3 <i>Демографические альтернативы для России</i>
506	22.4 <i>Изменения возрастной пирамиды</i>
516	22.5 <i>Демографические вызовы XXI века</i>
533	Заключение. Вперед или назад?
551	Приложение
553	Словарь демографических терминов
557	Литература
591	Список сокращений
592	Указатель имен
598	Contents
601	Summary

Эта книга подготовлена коллективом сотрудников Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук в рамках проекта «Демографическая модернизация в России в XX веке», финансируемого Фондом Джона и Кэтрин Макартуров (грант 99-61347-GSS).

Книга подводит итог многолетних исследований, ведущихся в Центре демографии и экологии человека с момента его создания в 1988 году. Они направлены, в первую очередь, на анализ демографических процессов в современной России и на прогнозирование ее будущей демографической эволюции. Однако ни настоящее, ни будущее не может быть понято без знания прошлого. И сегодняшняя, и завтрашняя демографическая ситуации имеют глубокие исторические корни.

XX век закончился, но стране еще долго придется жить с его наследием. Необходимо осмыслить это наследие — в интересах будущего. Надо разобраться в огромной массе многоликих, противоречивых событий, фактов, цифр, нередко утаивавшихся, мало кому известных или полузабытых, попытаться увидеть скрытый от поверхностного взгляда смысл происходивших перемен. Нужно заново оценить всю совокупность пережитых российским обществом демографических изменений и понять, в какой мере эти изменения предопределили демографическое будущее страны.

Все это и попытались сделать авторы настоящей книги.

Руководитель авторского коллектива — А.Г. Вишневский. Авторы основных разделов: Введение — А.Г. Вишневский; часть I — Е.М. Андреев, А.Г. Вишневский, С.В. Захаров, В.И. Сакевич, Т.Л. Харьков; часть II — А.Г. Вишневский, С.В. Захаров, Е.И. Иванова; часть III — С.В. Захаров, А.Г. Вишневский, В.И. Сакевич; часть IV — Е.М. Андреев, Д.Д. Богоявленский, А.Г. Вишневский, Е.А. Кваша, Т.Л. Харьков; часть V — Е.М. Андреев, Д.Д. Богоявленский, А.Г. Вишневский, С.В. Захаров, Т.Л. Харьков; часть VI — Е.М. Андреев, А.Г. Вишневский, С.В. Захаров; Заключение — А.Г. Вишневский. В работе над проектом принимали участие также Е.Л. Сороко, Н.А. Андрианова, Г.В. Подгаецкая.

Введение

Что такое демографическая модернизация?

XX столетие стало для России временем огромных изменений — социальных, экономических, политических, культурных... Этот ряд можно продолжить, но он, во всяком случае, будет неполным, если среди ключевых перемен не назвать перемены демографические.

Демографические перемены, быть может, не столь очевидные, как экономические или политические, и потому позднее осознанные, затрагивали глубочайшие пласты человеческого бытия, в корне меняли поведение людей в самых интимных областях их существования, их отношение к вопросам жизни, продолжения рода, любви, смерти, требовали пересмотра ценностей, моральных норм, всего мировосприятия. Они охватили матримониальное, прокреативное, сексуальное, семейное, жизнеохранительное, миграционное поведение людей, чрезвычайно сильно повлияли на становление нового типа личности человека, его интеллектуального и эмоционального мира, на его индивидуальный жизненный путь.

Совокупность этих перемен и составляет содержание демографической модернизации России. Эту модернизацию следует, разумеется, рассматривать в контексте общей модернизации страны, за исторически короткое время превратившейся из аграрной, крестьянской, сельской, малограмотной в промышленную, городскую и высокообразованную. Но одновременно демаграфическая модернизация России есть неотъемлемая часть всемирной демографической модернизации, глобального «демографического перехода», начавшегося в Европе в конце XVIII века и — в мировых масштабах — не завершившегося еще и поныне.

Если сказать коротко, то демографический переход — это переход от извечного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости. И по своей сути, и по своим последствиям он представляет собой подлинную революцию, которая кардинально обновляет, модернизирует тысячелетние социальные механизмы, управляющие воспроизводством человеческих поколений.

Пусковым механизмом этого исторически обусловленного переворота служит одно из главных и наиболее бесспорных достижений нового времени — снижение смертности. До относительно недавней поры люди едва ли задумывались над тем, сколь многое в их жизни на протяжении тысячелетий определялось высокой ранней смертностью, казавшейся частью раз и навсегда установленного «божественного порядка»¹, сколь многие социальные установления были подчинены диктовавшей высокой смертностью демографической необходимости. И прежде всего это относилось к тем из них, которые регламентировали

1

Немецкий пастор Иоганн Петер Зюссмильх, автор книги «Божественный порядок в изменениях рода человеческого, подтверждаемый его рождениями, смертями и размножением», сформулировал шесть правил этого порядка: 1) Бог заботится о равновесии смертности и рождаемости. Божественный порядок требует населения, но не перенаселения; 2) Бог управляет смертями таким образом, что продолжительность жизни оказывается достаточной для продолжения рода; 3) Бог дает возможность человеку выжить в любом месте на Земле; 4) Бог повсеместно предписывает человеку некоторую продолжительность жизни; 5) Бог мудро управляет распределением средств пропитания: искусство сельского хозяйства — часть Божественной мудрости; 6) Бог заботится об определенном порядке в воспроизводстве двух полов (Rohrbasser 1998: LXVII). Первое издание книги вышло в 1741 году, когда до начала всеобщих изменений тысячелетнего «Божественного порядка» или, по крайней мере, некоторых его пунктов, осталось несколько десятилетий.

второй фундаментальный процесс, определявший ход воспроизводства человеческих поколений, — рождаемость. Чтобы цепь человеческих поколений не прервалась, высокую смертность прошлых эпох должна была уравновешивать высокая рождаемость, и об этом заботились выработанные историей сложные и многообразные социальные механизмы. Они были «встроены» во все формы организации частной жизни людей и во многом предопределяли характер гендерных отношений, статус различных половозрастных групп, смысл и дух таких институтов, как семья, брак или наследование.

По мере того, как успехи в борьбе со смертью заставляли ее отступать все дальше и дальше, приспособленные к высокой смертности институциональные формы, социальные и культурные нормы и правила все более утрачивали смысл, в лучшем случае, становились ненужными, в худшем — опасными. Полное обновление возводившейся тысячелетиями системы норм и правил, охранявших высокую рождаемость и закрепленных во всех культурах и религиях, их приспособление к кардинально изменившимся условиям выживания поколений становилось категорическим императивом времени. Миллионы людей ощущали это и начинали исподволь менять свое повседневное поведение, все более и более отдаляясь от веками заведенного порядка, — задолго до того, как понимание модернизационного смысла происходивших перемен стало частью интеллектуальных приобретений XX века. Поначалу они гораздо чаще привлекали внимание моралистов, нежели мыслителей.

Демографическая революция началась в то же время, по тем же историческим причинам и имела столь же всеобъемлющие всемирные последствия, что и промышленная революция в Англии и французская политическая революция. Но, в отличие от них, она долгое время оставалась неосмысленной. Если термин «промышленная революция» был введен Ф. Энгельсом еще в 1845 году (Энгельс 1955: 243 и след.), то термин «демографическая революция» появился и даже был вынесен в название книги Адольфа Ландри только в 1934-м (Landry 1934)².

У Ландри, а за несколько лет до него у американского демографа Уоррена Томпсона (Thompson 1929) впервые появляется представление о том, что за наблюдавшимися в их время изменениями и географическими различиями демографических показателей стоят не просто очередные временные колебания, каких было много в прошлом, не просто привычная неодинаковость поведения городских и сельских жителей и т.п., — они первыми заговорили о разных типах демографического поведения, о глубоких качественных различиях между ними, возникающих вследствие эпохальных исторических перемен. Эти идеи положили начало концептуализации взглядов на современный этап мировой демографической эволюции, оформившихся впоследствии в теорию демографического перехода. Термин «демографический переход» был предложен в 1945 году американским демографом Фрэнком Ноутстейном (Notestein 1945: 41) и получил широкое распространение для обозначения тех фундаментальных демографических сдвигов, которые Ландри называл «демографической революцией».

2

Почти за десять лет до появления книги А. Ландри, в 1925 году, выражение «демографическая революция» употребил советский демограф А. Хоменко (Хоменко 1980: 104). В 1929 году оно появляется в изданной во Франции книге польского автора Л. Рабиновича (Радиновича) (Rabinowicz 1929) — подробнее об этом см.: Subrtova 1984: 193–199; Борисов 1986: 209–213. Однако и у Хоменко, и у Рабиновича это выражение используется, скорее, как метафора, нежели как научный термин для обозначения конкретного исторического процесса.

До СССР теория демографического перехода дошла с большим опозданием. В отечественной литературе она была впервые применена к анализу демографических процессов А. Квашой (Кваша 1971), а позднее — А. Вишневским (Вишневский 1973; Вишневский 1976; Вишневский 1982 и др.).

Между тем, демографический переход не миновал ни Россию, ни СССР и к этому времени продвинулся здесь уже очень далеко. Страна шла, пусть в чем-то медленно, а в чем-то непоследовательно, по тому же магистральному пути демографического перехода, на который одна за другой вступают все страны мира. Она начала движение по этому пути с немалым опозданием. Даже ранние признаки демографического перехода в России отстоят от его начала в некоторых странах Западной Европы не менее чем на сто лет. Так что в каком-то смысле она следовала по уже хорошо проторенной дороге, «догоняла» ушедшие вперед страны.

Но демографическая модернизация в любой стране, даже и «догоняющая», — не простое заимствование, не слепое следование чужому примеру. Она — ответ общества на переживаемые им внутренние перемены, лишаящие смысла многое из того, что составляло основу привычных, вековых демографических и семейных отношений. Поэтому она становится неотделимой частью истории любого общества, отражает ее своеобразие, испытывает на себе влияние множества конкретных исторических событий, политической обстановки, культурной ситуации — и сама влияет на них.

Так было и в России. Как и другие стороны российской-советской модернизации, демографическая модернизация была «консервативной», т.е. такой, которая «обеспечивала быстрые и довольно эффективные технические и другие инструментальные перемены за счет консервирования многих основополагающих звеньев традиционалистского социального устройства» (Вишневский 1998: 7). Консервативная демографическая модернизация позволила России пройти очень большой участок пути, ведущего к утверждению нового типа воспроизводства населения, нового баланса рождаемости и смертности, характерного для экономически развитых стран. Она стала одной из важных сторон тех фундаментальных перемен, через которые прошла Россия в минувшем столетии, а раньше или позже прошли или проходят все страны, но которые здесь гордо назывались «социалистическими преобразованиями». Социальные, политические и идеологические особенности советского периода не могли не наложить особого отпечатка на российский демографический переход, но не способны были и совсем лишить этот универсальный исторический процесс его общего для всех стран смысла.

В то же время, советская демографическая модернизация, противоречивая, непоследовательная, принимавшая нередко весьма причудливые формы, не могла не разделить участи всех других советских «модернизаций». «Консервативно-революционная стратегия развития, скорее всего, продиктованная обстоятельствами, предопределила противоречивый, ограниченный характер модернизационных перемен и невозможность их завершения в рамках созданной в советское время экономической и политической системы» (Там же, 7–8). До конца XX века оставалась незавершенной и демографическая модернизация.

XX век закончился, Россия вступила в новый этап своего развития, и сейчас самое время подвести итоги, может быть, самого бурного в его истории столетия. Среди них — итоги столетнего демографического развития страны, которому и посвящена эта книга.